

Из тьмы проступают очертания кроватей. Следом — лежащие на них тела, словно холмы и впадины на фоне ландшафта. Луч света, пробравшийся в комнату, высвечивает чье-то лицо.

По три кровати у каждой из стен и шесть тел. Кто-то должен осмотреть их. Вот лицо старухи, впалое и застывшее. Он хочет дотронуться пальцами до тонкой кожи, но у него не хватает духу. Закрытые глаза, сморщенная кожа. Рот широко открыт, словно в беззвучном крике, пряди волос на подушке, торчащая нога со скрюченными пальцами точно в том месте, где он держится за столбик кровати.

Внутри все клоочет, словно кровь ищет себе дорогу наружу. Сердце крушит грудь изнутри. Теперь он понимает, почему здесь так тихо. Почему так темно.

Мертвы. Они все мертвы.

Глаза последней женщины распахнуты и тускло смотрят в никуда. Но где мужчины? Где подростки?

Дети?

Неужели их уже унесли?

Если бы в те первые дни я не сидела по утрам одна за столиком в ресторане местной гостиницы, то, наверное, не заметила бы женщину в самом дальнем углу зала. Ну

а если бы и заметила... Первые впечатления со временем тускнеют, и ты говоришь «она выглядела здесь чужой» или «казалось, что она скрывает какую-то тайну», хотя на тот момент был полностью поглощен завтраком в хорошей компании и не обращал особого внимания на одиноко сидящих посетителей.

Гостиница размещалась в каменном здании с облупившимися стенами. Судя по стершимся буквам, которые оставили свой след на фасаде, прежде она называлась на немецкий манер — *Gasthaus*¹. От занавесок на окнах и засаленных подушек на сиденьях стульев несло застарелым табаком. Остальные посетители, по большей части местные мужики в застиранной одежде, приходили сюда по утрам, чтобы выпить чашку кофе, и все были знакомы друг с другом.

Женщина в углу в подобную картину просто не вписывалась. Жакет на ней выглядел слишком дорогим для этих мест, а начищенные до блеска туфли были скорее уместны в банковском офисе, чем в крохотном городишке, где единственным развлечением для туристов служили прогулки по горам. На стене позади незнакомки висела голова косули.

Должно быть, все дело в недвижимости, решила я. Наверняка она здесь, чтобы приобрести пару-тройку обветшавших домов, которых хватает в этом городе — заброшенные строения с выломанными рамами, с деревьями, которые проросли сквозь балконы и проникли в залы, когда-то блиставшие красотой.

На третий день мы столкнулись с ней в дверях, и я поприветствовала ее на английском. Услышав в ответ британский акцент, спросила, как ей живется в гостинице. После чего повисла тишина, и я, не выдержав,

¹ Гостиница (нем.).

затарактела как ненормальная, всеми силами пытаюсь заполнить возникшую паузу.

Рассказала о том, что купила себе здесь дом или, точнее, усадьбу с виноградником, но переехали мы сюда совсем недавно и до сих пор не наладили интернет. Потому что на окраине, за рекой и в лесу, где горы, очень плохой сигнал.

Поэтому каждое утро я выбираюсь в город, чтобы позавтракать и поддержать контакт с внешним миром.

Незнакомка слушала, не глядя на меня. На всякий случай я добавила, что по дороге я также захожу в пекарню и покупаю свежего хлеба для своего мужа, чтобы она ненароком не подумала, что я одинока и от отчаяния пристаю к людям со своей болтовней.

— Сам-то он занят ремонтом, там столько всего нужно сделать. Вы ведь видели, в каком состоянии пребывает бóльшая часть домов в этом городе...

Женщина посмотрела на улицу с обшарпанными каменными фасадами и черепичными крышами зданий, на крохотную церквушку, втиснутую позади коровника.

— Городе? — переспросила она. — По-вашему, это действительно можно назвать городом?

Неприятный осадок от того, что я столько всего ей наболтала, и чувство презрения, сквозившее в ее тоне, выветрились, пока я шагала по неровному краю обочины.

Останься я здесь навсегда, мне бы никогда не наскучило ходить этой дорогой, особенно в той ее части, где прямо перед рекой городскую улицу сменяло шоссе. Я миновала похожий на замок дом с растрескавшимися колоннами и сверху донизу увитый диким виноградом, добравшись до самой крыши; на стене с невозмутимым видом сидели несколько одичавших кошек. Непо-

далеку от моста через бурный поток виднелись развалины пивоварни с разбитыми окнами и до сих пор не выветрившимся ароматом хмеля и солода, а за ними — маковое поле. Алое, трепещущее на ветру пламя подступало к самым подножиям гор, ковром устремлялось по берегу реки, безудержно, чувственно — такие приходят мне на ум слова. В последний раз похожее маковое поле я видела, когда была еще подростком и мы несколько лет подряд всей семьей снимали на лето домик в Эстерлене. Когда же, повзрослев, я вернулась туда снова, маков уже не было. Кто-то сказал мне, что их посчитали сорняками и все выпололи.

Когда я пришла, Даниель уже был на ногах — в доме витал аромат свежесваренного кофе. Значит, ему удалось включить плиту или как минимум электрический чайник — должно быть, старая проводка местами еще работает. Крикнув про свежий хлеб, я принялась выкладывать покупки на стол, прислушиваясь к доносящемуся из подвала шуму и глухим ударам. Налила воды из-под крана, чтобы сварить еще кофе; вода уже не выглядела такой ржавой, как в первый день. Поставила в вазу собранный по дороге букет из маков, лютиков и лесной герани. Удивительно, но здешние полевые цветы оказались точно такими же, как и дома.

— Дьявол, до чего же здесь жарко, — пожаловался Даниель, выбираясь из подвала голый по пояс и обильно припорошенный серой пылью, осевшей на его голове и руках.

Он отставил в сторону здоровенный тяжелый молоток, больше смахивающий на кувалду. Подобных штук у нас хватало, они валялись разбросанными по всему двору — древние инструменты, чье предназначение так и осталось для нас загадкой. В сарае мы нашли вилы и мотыги, словно сделанные еще в позапрошлом веке.

Даниель налил себе стакан воды прямо из-под крана и выпил вместе со ржавчиной и всем остальным, что туда попало, после чего вытер потную шею свежим кухонным полотенцем. Воздух был горячим и неподвижным, почти тридцать градусов жары уже в середине мая. Кондиционеры шли почти в самом начале списка вещей, которые требовалось приобрести в первую очередь.

— Еще несколько дней, и я пробьюсь сквозь эту стену, — сказал он, падая за стол, который я уже накрыла к завтраку. В качестве сидений мы приспособили три разномастных кухонных стула, единственные, которые оказались несломанными. Я не могла припомнить, было ли что-нибудь полезное в подвале, который шел самым первым в списке того, чем следовало заняться, чтобы сделать наш дом пригодным для жилья. Я смахнула немного пыли с его головы.

— Скажи, чем ты на самом деле там занимаешься? Хочешь снести все здание?

Даниель рассмеялся:

— Что-то в этом роде. Гляди.

Он протянул мне мобильный телефон. Усевшись рядом с ним за стол, я почувствовала жар, исходящий от его кожи, и крепкий запах пота, который показался мне до странности чужим и незнакомым, несмотря на то что я уже больше двадцати лет живу с этим мужчиной. В нашей прошлой совместной жизни Даниель если и потел, то только после хорошей пробежки, да и то сразу шел в душ. Или же когда мы занимались любовью. Но этот запах был совершенно другим, к нему примешивались не только подвальная сырость, пыль и вонь немытого тела, но также нечто такое, о существовании чего я раньше в нем не подозревала, — одержимость, которая не позволяла ему отдыхать, пока он уже без сил

не валился на кровать глубокой ночью. По утрам, когда я отправлялась на свои прогулки в город, он спал как убитый. Я не знала, продолжал ли он принимать снотворное, хотя мне он сказал, что уже бросил. Очевидно, едва проснувшись, он выпил только чашку растворимого кофе и тут же отправился в свой подвал, вооружившись кувалдой. Об этом свидетельствовал аппетит, с которым Даниель поглощал бутерброды.

— Я как раз лежал и думал об этом сегодня ночью, прежде чем уснуть, — проговорил он, жуя, — что кое-что здесь не сходится с уже имеющимся у нас чертежом.

Он открыл на мобильном телефоне снимок — чертежи из жилищной конторы, где мы подписывали документы на усадьбу. Никаких копий у них не оказалось, только оригиналы в большой громоздкой папке, которые так и остались в конторе.

— Если здесь когда-то был виноградник, — продолжал Даниель, — и в доме есть подвал, то почему нет винного погреба?

Он увеличил снимок. Я прищурилась, чтобы разглядеть нечеткие штрихи и линии. Чертежи, казалось, создавались еще в прошлом столетии, когда, судя по всему, и был построен дом. Даниель считал, что должен быть проход, какая-нибудь дверь в глубине подвала слева от лестницы.

— Ну ты знаешь, там, где стоял старый шкаф и где штукатурка осыпалась, а под ней кирпичная кладка... — Даниель слегка запыхался от возбуждения, или же все дело было в духоте, которая царила на кухне. — Потому что больше нигде в подвале нет кирпичной кладки, которая была бы на виду. Вообще ни одного кирпича в поле видимости во всем доме.

— Это просто фантастика, если там окажется винный погреб. — Я принялась убирать со стола остатки

завтрака или скорее обеда — масло и сыр, пока все не растаяло. — До чего же будет замечательно, когда мы приведем здесь все в порядок.

— Обещаю, сразу после этого я займусь кондиционерами. И электропроводкой.

— Не волнуйся. — Я взяла свою сумку и отыскала в ней бумажку, которую накануне получила в лавке скобяных товаров. Старик продавец не говорил ни по-английски, ни по-немецки, но с помощью переводчика на смартфоне и жестов мне все же удалось задать ему пару вопросов.

— У них тут в городе, судя по всему, есть электрик, мне дали номер его телефона...

— Будет лучше сделать все самому. — Даниель поднялся из-за стола и снова ухватился за свой инструмент. — Тогда, если что-то и сломается, я по крайней мере буду знать, как чинить.

После завтрака я отправилась приводить в порядок спальню на верхнем этаже, которую мы планировали сделать нашей, яростно терла оконные стекла, серые от пыли. Это вовсе не входило в список первостепенных дел, но нам уже надоело спать на двух стоящих рядом узких кроватях в каморке возле кухни. Как только несколько комнат станут пригодными для жилья, мы отправимся в Прагу и купим там новые кровати и все остальное. Старый гарнитур из нашего прежнего таунхауса в Эльвшё сюда никак не вписывался, поскольку мы решили начать все с нуля и продали часть мебели, разместив объявление на сайте купли-продажи, а остальное, с чем было жалко расставаться или что досталось нам от родителей, мы убрали на хранение.

Впереди была чистая страница, свежий лист, пустота, внушавшая мне чувство эйфории.

Грязь стекала по стеклам, на пол сыпались дохлые мухи, но после трех смен воды вид из окон прояснился. Стал виден луг, тянущийся до лиственных лесов, и вздымающиеся на заднем плане горы. С другой стороны, там, где поля сбегали к реке, — заросли кустарников в тени огромной липы. Редкий поток машин исчезал за поворотом, ведущим в город, и можно было различить находившиеся в нескольких километрах отсюда крыши домов и церковные шпили.

Как мне объяснить?

Тот момент, когда что-то начинается.

Вовсе не красивые виды заставили нас пойти на этот шаг, не фотографии усадьбы, которые были настолько плохи, что не позволяли даже представить расположение комнат.

Все решило слово. Одно-единственное слово из одиннадцати букв.

Виноградник.

В тот вечер я вернулась домой очень поздно, потому что я вообще люблю гулять и глазеть по сторонам, и прямо с порога услышала из кабинета крик Даниеля. Это было уже не первое объявление о продаже, которое он мне показывал. Целую зиму он сидел и просматривал на зарубежных сайтах усадьбу за усадьбой. Он четко решил, что воздух и природа должны быть целебными, чтобы он смог поправить там свое здоровье. Сперва это был север Европы, поближе к собственным корням, потом Испания, куда можно сбежать от темных зим, словно существовала какая-то неведомая сила, которая влекла его все дальше и дальше, пока он не добрался до виноградника в Богемии.

Даниель увеличил снимок на экране.

Богемия?

Я не понимала, о чем он говорит, его слова звучали подобно абсурду. Мы мечтали о вине и виноградниках вроде тех, что в Тоскане или Провансе, куда остальные ездят как туристы со своими подростками детьми, но Богемия? Даниель прогуглил адрес, усадьба находилась всего в часе езды от Праги и меньше чем в двух часах от Берлина, в горах, служивших естественной границей между Германией и Чехией.

— Страны Восточной Европы? — Я почувствовала себя вымотанной, от выпитого вина раскальвалась голова. — Я-то думала, ты мечтаешь о пансионате в Тоскане или домике в Провансе.

— Центральная Европа, — возразил он. — Прага находится гораздо западнее Стокгольма. И потом, ты хоть знаешь, сколько стоит виноградник в Провансе?

— Там же сплошные шахты по добыче угля, разве нет?

Даниель щелкнул мышкой по нескольким снимкам, и на экране появились волнистые холмы и синеющие горы, прозванные Богемской Швейцарией.

У этого края есть и другое название.

Судетская область.

Я подтащила кресло и уселась рядом с ним, глядя на сумму, которая была указана в чешских кронах. Если Даниель подсчитал все правильно, то выходило даже меньше, чем выручили наши недавно разведенные соседи за дом рядной застройки 80-х годов — точно такой же, как и наш.

— Но мы же ничего не знаем о виноделии, — возразила я.

— Так научимся. Продадим урожай, а обратно получим бутылки с нашими этикетками... Приведем в порядок несколько гостевых комнат и станем их сдавать.

— И, может, даже туристы станут платить нам за возможность принять участие в процессе и потоптать виноград, да? — Мне захотелось поддержать энтузиазм, звучавший в его голосе.

— А потом они год за годом будут снова приезжать сюда, чтобы насладиться своим собственноручно натоптаным вином.

— Скорее собственноножно...

— Кстати, а виноград до сих пор топчут? Серьезно?

Наш смех в тот вечер — громкий, залиvistый, немного безумный. Он клокотал внутри нас и рвался наружу. Давно мы так не смеялись.

Говорят, нужно жить настоящим, но это совершенно невозможно. Потому что это самое «настоящее» не существует. Оно исчезает с каждой секундой. Как только я пытаюсь жить настоящим, меня тут же отбрасывает в прошлое. Должно быть, сказывается возраст. Например, запах смолы и плеск рыбацких лодок переносит меня в детство, когда мои родители снимали на лето домик в рыбацком поселке в Эстерлене, и в следующую секунду мне уже хочется плакать от того, что все это прошло и я осталась одна. Маковое поле действовало на меня точно так же, навевая грусть. Дом, в котором мы прожили больше пятнадцати лет, словно осиротел — дети разъехались, чтобы начать свою собственную жизнь, кто в Сиэтл, кто в Умео, и оставшуюся после них пустоту нечем было заполнить. И мой муж... да, мой муж, он рыскал по просторам интернета в поисках домов и усадеб и все реже куда-то выбирался. Если я предлагала ему ужин с друзьями, или поход в кино, или еще что-нибудь, он отвечал, что у него нет настроения.

Но ты, конечно, иди — звучало в ответ.

Думаю, мы живем не ради настоящего, а ради будущего. Когда мы теряем его из виду, в нас что-то уми-

рает. Настоящее не больше, чем мгновение, когда начинается будущее. Чистота. Вид по ту сторону стекла, неизведанный горизонт. Понимание того, что с тобой может произойти все что угодно и уже ничто не будет таким, как вчера.

Снизу донеслось мурлыканье кошки.

Светло-бежевая киска сидела на земле и смотрела на меня. Их тут много шлялось по округе. Урча и мяукая, словно понимая, что их час настал — в усадьбе появились люди, а значит, и в их мисках скоро появится еда, если повезет. Глупо, конечно, но в каком-то роде это было даже приятно. Словно нас ждали и теперь радовались, что мы здесь.

Я оставила окно открытым настежь, чтобы проверить душную комнату, и спустилась на кухню поискать что-нибудь для кошки. Из подвала доносились все те же монотонные ритмичные удары. Быть может, ему это необходимо. Что-нибудь сломать, снести, чтобы найти выход и стать свободным.

ЗАПИСЬ ИЗ ДНЕВНИКА НАБЛЮДЕНИЙ
В НОЧЬ НА СРЕДУ, 6:20

Внимание.

Он проснулся.

Выглянул в окно, как раз перед рассветом.

Голый.

Где мы?

Я вижу ворота, но не вижу реки.

Вы имеете в виду озеро? Оно там, за деревьями. Когда туман рассеется, вы его увидите.